

ФИЛОСОФСКИЙ ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕКСТОВОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Рыскельдиева Лора Турарбековна, доктор философских наук, профессор
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, 4
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

Статья ставит вопрос об адекватном контексте исследования смысла философского текста. Его поиск осуществляется с учетом двух существенных обстоятельств: расширения сферы междисциплинарных исследований и преобладания филологизма в исследованиях текстовой культуры. Отмечается большой интерес к тексту в современной философии вообще и в историко-философских исследованиях, в частности. В них заметно различие между сторонниками исторического и сторонниками текстологического подходов, которые потенциально могут позволить редуцировать смысл философского текста к совокупности исторических обстоятельств или личным особенностям автора. Статья апеллирует к философской текстологии, которая исследует философский текст в контексте текстовой культуры и с учетом цели и коммуникативной ситуации публичного, по своей природе, философского текста. Текстовая культура как совокупность способов создания, хранения и трансляции текстов позволяет выделять текстовый формат как результат соединения всех существенных обстоятельств, позволивших тексту появиться в свое время и занять свое место в пространстве современной коммуникации. Понятие «текстовая культура» позволяет избежать разного рода редуционизма в историко-философских исследованиях выработать релевантную специфике философского текста стратегию его понимания.

Ключевые слова: текст, история философии, коммуникация, смысл, текстовая культура, текстовый формат, редуционизм

PHILOSOPHICAL TEXT IN THE MODERN TEXTUAL CULTURE

Ryskeldieva Lora T., D.Sc. (Philosophy), Professor
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadskogo Ave., Simferopol, 295007, Russian Federation
E-mail: ryskeldieval@gmail.com

In the present article the question of an adequate context of the research in the field of philosophical meaning of the text is raised. The search for such context is based on two essential factors: expanding the scope of interdisciplinary research and the predominance of philologism in research of textual culture. Significant interest that is shown towards the text in modern historical and philosophical studies is noted in this article. The studies show differences between supporters of historical and of textological approaches, which could potentially allow to reduce meaning of philosophical text to a web of historical circumstances or personal characteristics of the author. The article appeals to philosophical textology, which researches philosophical text in the context of textual culture taking into account the purpose and communicative situation of the public by nature philosophical text. Textual culture as a web of methods of creating, storing and translation of texts allows to highlight textual format as a result of junction of all relevant circumstances that allowed the text to appear at the time and take its place in the space of modern communication. The term "textual culture" allows to avoid all sorts of reductionism in the historical and philosophical studies, develop a strategy of its comprehension relevant to specifics of the philosophical text.

Keywords: text, history of philosophy, communication, sense, textual culture, textual format, reductionism

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 16-03-00120 «Влияние форматирования на смысл: изменения в текстовой культуре и трансформация коммуникации» (The study was supported by the Russian Foundation for Humanities, grant No. 16-03-00120 "Effect Formatation point: changes in the text and the culture of transformation of communication").

Сегодня на основе ускоренного распространения компьютерных (информационных) технологий процессы человеческого общения приобретают формы, соответствующие условиям массовой коммуникации и тем способам, стилям и жанрам, которые порождаются технологиями. Текстовая активность, в которую вовлечены массы, повышенная до немислимых ранее скоростей динамичность процессов массовой коммуникации, которая с очевидностью имеет текстовый характер – вот приметы нашего времени. Новые технологии, с одной стороны, заметно расширяют возможности коммуникации, позволяя преодолевать пространственные, временные и культурные преграды, а, с другой стороны, могут оказывать пагубное воздействие на суть коммуникативных процессов, искажая их цели и смысл. Клуб по интересам превращается в социальную сеть, визит в гости заменяется скайп-сеансом, место гражданской активности занимают политтехнологии, а общественное мнение формируется флэш-мобом или количеством «лайков». Меняются и формы текстовой деятельности: учебник может быть заменен обучающей программой, философский трактат может уступить место серии комиксов, а лекция – мультимедийной презентации. Эти изменения способны затронуть основы текстовой культуры, и она должна быть подготовлена к новым условиям, определенным образом «размечена», что требует и пересмотра сложившихся в ней традиций, и новых способов её институционализации. Если сам смысл и текст как носитель смысла имеют коммуникативную природу, то трансформации в текстовой культуре неизбежно влияют на сферу человеческого общения, на культуру, на формирование общественного мнения. В этих условиях само понятие «текстовая культура» вызывает понятный интерес. Под текстовой культурой следует понимать совокупность способов создания, хранения, трансляции и интерпретации текстов и в таком виде это понятие может отражать, с одной стороны, определенный нашим интересом аспект истории мировой культуры, а, с другой стороны, указывать актуальный в целях изучения коммуникации предмет современных социокультурных исследований.

Современные исследования культуры и общества так или иначе связаны с исследованием языка и коммуникации, философские исследования при этом не являются исключением. Последствия поворота к языку и коммуникации для философии обнаруживаются в следующем: а) в целом, философы признали действенность принципа междисциплинарности, в соответствии с которым, если в исследовании участвуют представители разных наук и даже разных отраслей наук, то оно с необходимостью ценнее, эффективнее и перспективнее, чем, так сказать, «моноисследование»; б) в философии отмечается устойчивый интерес к тексту не только как к объекту историко-философского исследования, но и как к предмету рефлексии.

Что представляют собой сегодня философские исследования текста и текстовой культуры?

В целом, современные междисциплинарные исследования текста и текстовой культуры несвободны от редуционизма, главным видом которого является филологизм. Филологический редуционизм проявляется, прежде всего, в том, что приемы лингвистики и текстологии распространяются на исследование любого текста – на текст вообще. В отсутствие обоснованной и всеохватной типологии текстов филологизм в исследовании, например, философского или научного текста, способен исказить его смысл, если смысл будет редуцирован, положим, к обстоятельствам внутренней душевной жизни автора, к перипетиям его личной жизни или даже к социально-историческому контексту его появления. Очевидна актуальность философской текстологии и исследований сущности текста того или иного типа в свете обстоятельств, вызвавших необходимость его создания и публикации. В этом отношении инициативы филологов, организующих и курирующих деятельность не только междисциплинарных, но и международных проектов исследования разных аспектов текстовой культуры, должны стать примером целеустремленности и для философов [5; 8; 9].

Традиционно из всех разделов философского знания ближе всего к исследованиям текста была история философии – она и сейчас активно задействована в обла-

сти философской текстологии, свидетельством чему является, например, масштабный проект специалистов по истории философии ИФ РАН «Анатомия философии: как работает текст». Предметом современных историко-философских исследований все чаще становится не «история», произошедшая с философией, и не закономерности развития мировой философской мысли, а философский текст во всей возможной его конкретности. При этом историческая компонента философских исследований инициировала новизну методологической коллизии в области истории философии: если для Гегеля было актуально противопоставление «истории» и «философии», то сейчас налицо своеобразное противостояние «историков» и «текстологов».

Позиция «историков» ярко выражена в работах А. Кара-Мурзы, положившего начало новому историко-философскому жанру «философского краеведения»: «когда философский текст анализируется в контексте своего замысливания, обдумывания и исполнения в конкретном пространстве и в конкретный промежуток времени» [2, с. 111]. Этот жанр, по мысли А. Кара-Мурзы, сродни жанру «оперативного расследования», когда тщательно изучаются причина и повод для написания текста, исторические условия его публикации, социокультурный фон, место и время создания, обстоятельства, вызвавшие появления ключевой метафоры текста. Чем вызвана необходимость такого «расследования»? Кара-Мурза полагает, что «спокойный и углубленный *текстологический* период в изучении философских идей прошлого, похоже, затянулся» и исследователей ждет «подлинная история», которую нельзя изучить по готовым текстам [2, с. 111].

«Текстологическое» направление в историко-философских исследованиях можно проиллюстрировать на примере работ Т. Щедриной, для которых важна работа в архиве, сличение почерков, заполнение текстовых лакун, сравнение изданий, заметки на полях, составление тезауруса. Результатом такой работы должна стать реконструкция авторского текста с целью адекватной передачи его смысла. Какой бы скрупулезной и аккуратной при этом ни была эдиционная деятельность, очевидно, что без внетекстовой «добавки», определенной и неизбежной «отсебятины» того, кто работает с рукописями и фрагментами, не обойтись. Здесь нужно проявить осторожность. Где её граница, и какова при этом мера ответственности исследователя [3, с. 5–51]? Можно ли понять смысл философского текста только из самого текста? Возможна ли «чистая» философская текстология?

Текст как объект философского исследования. Философское исследование текста и его смысла подготовлено современным состоянием гуманитарного знания в целом. Начиная с послевоенных лет XX в., текст – один из главных объектов исследования, прежде всего, в филологических науках. Во-первых, в языковедении, где распространены тезисы о коммуникативной природе текста (вид речевого общения) и о том, что коммуникация есть процесс передачи информации. Однако лингвисты всегда указывают на пределы филологии в исследовании, говоря об «экстралингвистических факторах», обуславливающих его смысл. Кроме того, теория информации как идейная основа учения о коммуникации не может отразить все стороны осмысленного общения, не может учесть, например, невербальную компоненту. Во-вторых, в текстологии, которая нацелена на исследование текста как произведения, установления его подлинности и реконструкции всех вариантов. В современной текстологии преобладает «генетизм» – рассмотрение текста как процесса с учетом всех его черновиков, вставок, заметок на полях. Такая текстология может иметь дело с экстралингвистическими факторами, но её компетенция исторически и методологически ограничена произведениями художественной литературы, но приемы анализа литературного текста не всегда адекватны задачам анализа текстов другого типа. В большой степени это имеет отношение к философскому тексту, имеющему свою специфику, не учитывающую которую, на мой взгляд, совершенно недопустимо.

Что касается, так сказать, «философии текста», то кроме историко-философских исследований, традиционно ориентированных на работу с первоисточниками, поворот к языку создает текстологическую компоненту и в философии культуры (тексты

культуры); в социальной философии (интерпретативная активность социальных субъектов); в исследованиях интернет-коммуникации, которые тоже нацелены на работу с текстом, например, с сообщениями. В структуре таких текстов, будь их автор хорошо известным (как в философском или политическом), или тщательно скрывающимся под ником, для философского исследования важна коммуникативная ситуация, анализ которой помогает раскрыть смысл текста: что, кому, почему и с какой целью сообщает его автор? Тип коммуникации в философском тексте существенно влияет на путь его создания, способ хранения и трансляции, определяет его *место в текстовой культуре*, его *формат*. Форматирование (formatting, arrangement), как придание тексту определенных форм, выработка стилей и жанров, способов и целей создания, может меняться в зависимости и от социокультурных, и от технических обстоятельств. Философское исследование, ориентированное на изучение текста и текстовой культуры, интересуется изменениями, которые происходят со смыслом текстов в результате новой технологической «разметки». Как предполагаемые изменения влияют на коммуникацию? Какие социокультурные последствия имеет изменение формата текста? Могут ли исчезать смыслы? Надо ли философии сторониться новых, непривычных форматов и возрождать-реанимировать традиционные, проверенные веками? Или в нынешней текстово-коммуникативной революции нет ничего необычного, и такие революции сопровождают историю культуры вообще и философии, в частности?

Эти вопросы требуют рефлексии в рамках философского изучения текста и всех аспектов текстовой культуры, а их совокупность указывает на предметное поле философской текстологии. Такая текстология должна анализировать и осмысливать важнейшие процессы коммуникативного характера: формирование ценностей, норм и идеалов, сохранение философской традиции, деятельность научного сообщества, публичные дискуссии и др. Это процессы осмысленной коммуникации, а дело её сохранения – важнейшее на пути противодействия деформации культурных смыслов, деградации текстовой культуры и наступлению просвещенного варварства эры информационных технологий. Так понятия «смысл» и «осмысленность» выводят нас на коммуникативный аспект работы с текстами.

Коммуникативная компонента исследований текстовой культуры. XX век можно назвать веком коммуникативных исследований. Кроме самого термина к 50–60-м гг. за рубежом возникает теория коммуникации и в качестве научного направления, и в качестве преподаваемого предмета. Расплывчатость определений и широта подхода в так называемой коммуникативистике были преодолены в немецкой коммуникативной философии и, в частности, в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Исходя из признания языкового характера коммуникации как акта, направленного на взаимопонимание, на осмысленное общение, немецкий философ опирается на теорию речевых актов, рассматривая речевую коммуникацию, осмысленное высказывание, речь-перформатив как основу осмысленного общения и путь создания институтов гражданского общества. Признавая плодотворность немецкой практической коммуникативной философии, предлагаем дополнить ее положения исследованиями особенностей коммуникации посредством изучения текстовых форматов. Идея подобного дополнения согласуется с мыслью Г. Гадамера о том, что коммуникация осуществляется через текст и именно в тексте достигается полнота взаимопонимания. Тезис герменевтики о том, что «текст есть не предмет, а фаза понимания» говорит о том, что тексту присущ определенный коммуникативный формат как условие его интерпретируемости. Анализ коммуникативной ситуации философского текста, учет оттенков отношения «автор – читатель» являются важным условием понимания его смысла. Меняется ли это отношение в процессе изменения текстовой деятельности в современных условиях? Трансформируется ли философский текст, если изменяется его формат? Может ли модификация текстового формата исказить его смысл?

Оценки влияния IT на социокультурную реальность разнятся: от убежденности в революционном характере происходящих изменений до скепсиса в отношении возможности изменить природу человека и общества. Но с любой точки зрения необходимость исследования происходящих изменений очевидна не только в теоретическом и практическом аспектах, но и в плане философской рефлексии, целью которой является поиск смыслов или осмысление. Именно смыслы как глубинная, основная область культуры, её фундамент, хранящий нормы, ценности, цели и идеалы, нуждаются в постоянной рефлексии, которая, в свою очередь, способствует их сохранению.

Время постмодернистских «игр со смыслом», судя по всему, окончательно прошло, бессмыслица для философии больше не должна быть мерилем осмысленности, настало время ответственного и осознанного неоконсерватизма. Эту позицию можно выразить в убежденности: 1) в нередуцируемости и объективности смысла, 2) в том, что текст является автономным образованием – носителем смысла, 3) в том, что человеческое общение должно быть осмысленным. Эти простые очевидности и приводят к необходимости исследовать текст, прежде всего, с точки зрения коммуникативной ситуации «автор – читатель», её анализ позволит ответить на вопрос, кому и с какой целью он адресован, а сложная констелляция цели, адресата, содержания и экстралингвистической компоненты как раз и может указать на его смысл.

Безусловно, искомая полнота исследования философского текста неизбежно сделает его междисциплинарным. Однако сколько фактов, касающихся истории создания философского текста нужно принять к сведению в процессе его понимания? Какого рода должны быть эти сведения: об исторических, политических, социальных обстоятельствах? Или о жизни души автора, его переживаниях и эмоциях? От чего зависит смысл философского текста? Или он никогда не дан, а есть процесс вечного изменения / приращения / углубления / совершенствования? Чем различаются, например, смыслы текста «Критики чистого разума», понятого человеком, побывавшем в Кенигсберге (Калининграде?) и тем, кто, как великий кенигсбержец, никогда не покидал своего родного города? И еще раз: можно ли понять смысл философского текста только из него самого?

Полагаю, что смысл философского текста должен быть понимаем из самого текста и только текст может дать искомую *глубину* понимания (это и есть то, что для Гегеля было философией в истории философии, так сказать, вечностью). Но еще есть его цель, без знания которой в понимании нет нужной *широты*, текст не помещен на свое место в культуре (а это есть то, что для Гегеля было историей, то есть, временем). Наше время активной текстовой деятельности, всеобщей публикации (публикация всего и для всех) актуализирует вопрос о цели и публикации, и создания. Зачем пишется? Почему публикуется? Кому он предназначен?

Формат и цель философского текста. Как для лингвистов при анализе текста всегда есть «экстралингвистические факторы», так и для философа-текстолога есть нефилософские факторы. Цель создания и публикации текста – это единственный, на наш взгляд, «экстрафилософский» фактор, способный оказывать влияние на процесс постижения его смысла. Этот фактор был тем, что способствовало деятельности автора, корректируя или даже направляя его «перо», этот же фактор помогает читателю, служа «навигатором» по тексту. От чего же зависит цель философского текста? От обстоятельств личной жизни, «жизни души» автора? В определенной степени эти обстоятельства влияют на повод к написанию и выбор вида / типа / жанра текста, но сам он не имеет целью выражение душевной жизни как мира переживаний, и это следует из определения философии как рефлексии. Внимание же читателя к обстоятельствам личной жизни философа чреваты исследованиями, находящимися на грани пристойности [1, с. 153–188]. От социально-политических обстоятельств того времени или той культуры? В определенной степени эти обстоятельства могут повлиять на выбор темы / предмета / объекта рефлексии, но смысл философского текста не должен зависеть от них, и это следует из того, что философская рефлексия всегда интендирована сущностью. К тому же долгий опыт марксистского вычитывания из философских текстов

перипетий классовой борьбы и нюансов отношений базиса к надстройке надолго, как кажется, отвратил нас от подобных изысканий. От чего очевидно зависит философский текст, так это от *текстовой культуры*, в которую он естественно встроена так же, как и философская культура встроена в культуру вообще. Понятие текстовой культуры здесь, разумеется, нуждается в освобождении от оценочного контекста, который заставляет говорить о культурности и бескультурье, о желании и нежелании читать, о грамотности и безграмотности молодежи эпохи Instagram.

Понять место философского текста в контексте текстовой культуры его исторических времени и пространства можно, опираясь на два из перечня всех обстоятельств, определяющих его специфику: то, что «неписаная философия» нам не известна и то, что философский текст всегда имеет автора.

Первые философские тексты появились, вероятно, вопреки¹ утилитарному отношению древних к письменности: известна критика письма Платоном, а, например, древнейшие оригиналы буддийской письменной культуры появились только в III в. до н.э. (наскальные эдикты императора Ашоки). Публикация, как делание публичным, «выведение в свет», на публику, предъявление своего мнения на всеобщее обозрение, – особое событие, особая коммуникативная ситуация. В этой ситуации результаты моей рефлексии становятся общим достоянием, а философия открытой для всех – не только «для своих», но и «для чужих». Первым из греков опубликовал свой труд Анаксагор, за что и получил известное презрение от Платона. Какого рода публичность сделала возможной публикацию письменного философского текста? Для кого издавались философские тексты? Это вопросы к исследователям текстовой культуры и порожденным ею форматам философского текста. Ответы на них требуют диалогического подхода, так как отталкиваясь от имеющегося в наше время, мы находим или не находим его аналоги в прошлом: можно ли, например, найти философский текст в формате статьи в Античности? Возможны ли философские комиксы в XVIII в.?

К слову сказать, философские комиксы – это, пожалуй, один из самых «свежих» форматов философского текста [4]. Комикс как жанр литературы существует довольно давно, но его исследований мало, наверное, потому, что комикс как вид текста возникал именно в противовес «серьезной» литературе, в том числе и исследовательской. Характерно, что свою программную работу о комиксах (“Understanding Comics”) известный рисовальщик Скотт МакКлауд написал тоже в виде комиксов [7]. Восходящие, по мысли адептов и исследователей, к популяризовавшим библейские сюжеты Нюрнбергским хроникам в инкунабулах XV в. и жанру «аллилуйе» во Фландрии, Франции и Германии XVI в., современные философские тексты в картинках – это свидетельство процесса популяризации философии. Что это за процесс и как к нему относиться? Процесс, видимо, неизбежный и относиться к нему следует спокойно. Популяризация, сопровождающаяся назиданием – давний и небеспрецедентный процесс. Вспомним, например, возмущенно-презрительную реакцию Платона на публикацию труда Анаксагора или появление Аггеды в противовес Галахе. Наша пуристская реакция на «философию в картинках» вполне сродни реакции древних на «писаную философию»!

Комиксы – это новый формат философского текста или искажение его смысла? В какой степени визуальная культура учитывает особенности философского текста? Думается, что у ответов на эти вопросы, в любом случае, будут два аспекта. Во-первых, учет содержания «текстов в картинках» и, во-вторых, учет социокультурного фона, ими создаваемого. Первый аспект, на наш взгляд, показывает, что формат комикса не может исказить смысл философского текста, потому что он не имеет к нему никакого отношения, содержание текстов в картинках в большинстве случаев

---

¹ Следует предположить, что это относится к текстам всех трех древнейших философских традиций, но по поводу древнекитайской, разумеется, всегда следует делать оговорку: что позволено синологу, не позволено простому историку философии, который в любом своем утверждении может быть опровергнутым специалистом. Такова особенность именно китайской письменной культуры.

посвящено конкретным философам, перипетиям их жизни и оригинальности взглядов. Это содержание сродни античным «анекдотам» и вписывается в общую тенденцию: современная философская литература становится близкой к жанру доксографии. Тексты в картинках – это не собственно философский текст, а литература о философии. Второй аспект говорит об изменениях коммуникативной ситуации в тексте, имеющем отношение к философии: формат комикса сродни формату “Web 2.0”, в котором сейчас существует большинство проектов и сервисов. В этом формате, размывающем различия между автором и читателем, комикс приобретает явно позитивный просвещенческий потенциал, так как вероятность того, что кто-то из читателей / зрителей текста в картинках захочет взять в руки авторский философский текст, судя по всему, здесь повышается. А это, полагаем, неплохо.

Итак: 1. Преодоление любого рода редукционизма в исследовании философского текста возможно на пути использования понятия «текстовая культура», оно плодотворно в деле учета «внефилософских» факторов, повлиявших на создание, хранение и трансляцию текста.

2. Любое исследование философского текста не может обойтись без автономного и вычитываемого из самого текста понятия «смысл», он определяет границы изменения формата философского текста.

3. Смысл философского текста тесно связан с его коммуникативной ситуацией, с отношением автор / читатель. Всегда авторский характер философского текста не позволяет размывать эту ситуацию, в противном случае текст перестает быть философским и служит иным целям.

Список литературы

1. Ботюль Ж.-Б. Сексуальная жизнь Иммануила Канта / Ж.-Б. Ботюль // Логос. – 2002. – № 2 (33). – С. 153–188.
2. Кара-Мурза А. А. Откуда рождаются философские статьи? / А. А. Кара-Мурза // История философии в формате статьи. – М. : Культурная революция, 2016. – С. 110–121.
3. Методологические проблемы публикации философских текстов: материалы конференции – «круглого стола» / Б. И. Пружинин, Н. С. Автономова, Т. В. Артемьева, В. К. Кантор, И. А. Михайлов, Е. В. Пастернак, В. Н. Порус, И. С. Разумовский, Л. Т. Рыскельдиева, А. В. Смирнов, Т. Г. Щедрина, В. В. Янцен // Вопросы философии. – 2016. – № 3. – С. 5–51.
4. Монген Ж.-П. Безумный день профессора Канта / Ж.-П. Монген. – М. : Ad Marginem, 2016. – 64 с.
5. Irvine M. The making of Textual Culture: “Grammatica” and Literary Theory, 350–1100. – Режим доступа: 605p.<http://assets.cambridge.org/97805214/14470/sample/9780521414470ws.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 05.07.2016).
6. Kunzle D. The History of the Comic Strip / D. Kunzle. – Berkeley : University of California Press, 1990. – Vol. 2. The Nineteenth Century. – 411 p.
7. McCloud Scott. Understanding Comics: The Invisible Art / Scott McCloud. – New York : A Kitchen Sink Press Book for Harper Perennial, 1994. – 216 p.
8. Textual Cultures: Texts, Context, Interpretation. Society for textual Scholarship. – Режим доступа: <https://textualsociety.org/sts-journal-textual-cultures/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 02.09.2016).
9. Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece / ed. by Harvey Yunis. – 262 p. <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam033/2002071492.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 30.08.2016)

References

1. Botyul Zh.-B. Seksualnaya zhizn Immanuila Kanta [The sexual Life of Immanuel Kant]. *Logos. Zhurnal po filosofii i pragmatike kultury* [Logos. Journal on Philosophy and Pragmatic of Culture], 2002, № 2 (33), pp. 153–188.
2. Kara-Murza A.A. Otkuda rozhdayutsya filosofskie stat'i? [What are the Philosophical Articles born from?]. *Istoriya filosofii v formate stati* [History of Philosophy in the Form of Article]. Ed. by Yu.V. Sineokaya. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2016. 244 p.

3. Pruzhinin B. I., Avtonomova N. S., Artemeva T. V., Kantor V. K., Mikhaylov I. A., Pasternak E. V., Porus V. N., Razumovskiy I. S., Ryskeldieva L. T., Smirnov A. V., Shchedrina T. G., Yancen V. V. Metodologicheskie problemy publikatsii filosofskikh tekstov: materialy konferentsii – “kruglogo stola” [Methodological problems of publication of philosophical texts. Materials of the round-table conference]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2016, no. 3, pp. 5–50.
4. Mongen J.-P. *Bezumnyy den professora Kanta* [The Crazy Day of Professor Kant]. Moscow, Ad Marginem Publ., 64 p.
5. Irvine M. *The making of Textual Culture: “Grammatica” and Literary Theory, 350–1100*. Available at: <http://assets.cambridge.org/97805214/14470/sample/9780521414470ws.pdf> (Accessed: 05.07.2016).
6. Kunzle D. *The History of the Comic Strip*. Berkeley, University of California Press Publ., 1990, vol. 2: The Nineteenth Century, 411 p.
7. McCloud Scott. *Understanding Comics: The Invisible Art*. New York, A Kitchen Sink Press Book for HarperPerennial Publ., 1994, 216 p.
8. *Textual Cultures: Texts, Context, Interpretation*. Society for textual Scholarship. Available at: <http://textualsociety.org/sts-journal-textual-cultures/> (Accessed: 02.09.2016).
9. *Written Texts and the Rise of Literate Culture in Ancient Greece*. Ed. by Harvey Yunis. Available at: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam033/2002071492.pdf> (Accessed: 30.08.2016).

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ И РЕЛИГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ФИЛОСОФА ДЖУЛИАНА ХАКСЛИ (1887 – 1975)

Трофимова Зорина Павловна, доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4
E-mail: 8relig@philos.msu.ru; irlaz@mail.ru

Статья посвящена исследованию творчества английского философа, эволюциониста Джулиана Хаксли. В своих работах он исследует проблемы эволюции и религии, мистицизма и науки. Дж. Хаксли предлагает создать «новую религию» – эволюционный гуманизм, который спасет все человечество от социального зла.

Ключевые слова: религия, эволюция, мистика, наука, гуманизм, «новая религия»

EVOLUTIONISM AND RELIGION IN THE WORKS OF ENGLISH PHILOSOPHER JULIAN HUXLEY (1887–1975)

Trofimova Zorina P., D.Sc. (Philosophy), Professor
Lomonosow Moscow State University
build. 4, 27 Leninskie Gory, Moscow, GSP-1, 119234, Russian Federation
E-mail: relig@philos.msu.ru; irlaz@mail.ru

This paper focuses on creation english philosopher, evolutionist Julian Huxley. In his publications he investigate problems of evolution and religion, mysticism and science. J. Huxley propose to create a “new religion” – evolutionary humanism, which saves whole mankind again social evil.

Keywords: religion, evolution, mysticism, science, humanism, “new religion”

В современной сложной международной ситуации перед человечеством стоит задача переосмысления всех ценностей, опираясь на философские и исторические идеи прошлого и настоящего. Современный противоречивый мир приобретает характер взаимозависимого и взаимосвязанного в целом. Эта тенденция усиливается в связи с угрозой ядерной катастрофы, экстремизма во всех его проявлениях. В связи с этим появляется необходимость разностороннего сотрудничества всего человечества в духовных процессах общества, создания соответствующей единой философской системы мышления, с выдвиганием на первый план общечеловеческих задач.